

Пролог

Каон с трудом подавил желание выругаться. Его только что разбудил безжалостный солнечный свет, льющийся через большое окно, такой исключительно яркий, что он разбудил бы кого угодно, не исключая и его самого.

Он пытался как-то блокировать это.

Рук, которыми он прикрывал лицо, было недостаточно, как и его летнего одеяла, тонкого и совершенно бесполезного против света.

Увы, даже когда он пытался глубже зарыться в постель, солнце просто требовало его внимания.

- Занавески снова оставили открытыми.

Наконец Каон встал и с негодованием уставился на голые стеклянные панели и аккуратно завязанные бархатные занавески. Было очевидно, кто был виновником.

- Испытай меня, Алисия.

Стиснув зубы, он подумал о жительнице спальни на противоположной стороне коридора, женщине, на которой он в конце концов женится — при условии, что не произойдет ничего радикального.

Каон намеревался сегодня серьезно поговорить. Он больше не мог выносить еще один день, когда его шторы оставались открытыми, когда у него была только дневная тренировка. Таких дней было немного, и они были очень редки, и поэтому чрезвычайно ценны для него. Что может быть более счастливым, чем спать в?

Алессия Ингелос уже целый месяц безжалостно крала у него это счастье. Первые несколько раз он отмахивался от этого, думая, что это совпадение, но теперь все стало кристально ясно. Она определенно делала это нарочно, чтобы помешать его простым желаниям.

“Мадлен, ты не обязана помогать мне все время”.

Голос, который Каон услышал, спускаясь по лестнице, был мягким, казалось бы, полным сожаления и нежности одновременно. Звук этого заставил его напрячься.

“О чем вы говорите, мисс Алисия? Ты всегда так много делаешь для поместья Фердинанда. Дать тебе эти закуски - это меньшее, что я могу сделать.”

“О, да ладно, люди могут подумать, что я сделал что-то большое. Если ты продолжишь так говорить, это может ударить мне в голову.”

‘Bay’.

Каон проглотил свой ошеломленный смех над демонстрацией смирения.

Горничная продолжила свои похвалы: “Вы заслуживаете того, чтобы быть немного высокого мнения о себе, мисс. Вы целую неделю наблюдали за лесом, кишущим монстрами; если это не имеет большого значения, то что же тогда? Семья Фердинандов считает искренность высшей добродетелью, а вы неподражаемо искренни.”

“Это очень обнадеживает. Я делаю только то, что могу... Большое вам спасибо.”

“Как часть поместья, я должен быть тем, кто благодарит вас. Какую помощь вы оказываете... Да?” Мадлен, которая была полностью погружена в разговор, вдруг заметила Каона, стоящего посреди лестницы. “Молодой Господин! Ты не спишь?”

Алессия тоже медленно повернулась, чтобы посмотреть на него, как будто только сейчас заметила его существование. Ее глаза, которые, казалось, на мгновение затвердели, плавно изогнулись в изящные полумесяцы. “Каон? Ты сегодня рано проснулась.”

“Действительно. Молодой мастер никогда не спускается в это время в дни послеобеденных тренировок... Почему ты проснулся так рано?”

Выражение лица, которое начало искажаться при приветствии Алисии, стало полностью кислым после комментария Мадлен. Это произошло потому, что внутренние размышления горничной о том, что могло случиться с ленивым молодым хозяином, были непреднамеренно раскрыты.

Ее мысли не были ошибочными, но это не означало, что Каону нравилось, когда его так воспринимали.

“Потому что некто заставил меня проснуться”, - прямо ответил он, тыча пальцем в свою оппонентку, чтобы узнать, есть ли у нее вообще совесть.

“Кто бы мог...?”

“Это, должно быть, я, Мадлен”. Алисия даже не моргнула. “Сегодня утром я разбудил его, бессмысленно пытаюсь сделать ремонт. Вчера моя любимая одежда немного порвалась, так что я смотрела на нее раньше, ” жалобно пробормотала она.

“О нет! Если подумать, вы упомянули, что во время вашего осмотра что-то произошло, так что оказалось, что даже ваша одежда была повреждена. Как обидно! Я сейчас же починю вашу одежду, мисс.

“Прости, я собиралась выбросить его, но просто почувствовала такое сожаление. Если вы не возражаете, могу я попросить вас помочь мне?”

“Тебе не нужно спрашивать. Я буду там в любое время, - решительно сказала Мадлен, чтобы успокоить Алисию, и в следующий момент свирепо посмотрела на Каона.

Он вздрогнул.

Несмотря на то, что она не открывала рта, ему было ясно, что горничная хотела сказать.

Что-то вроде: "Повзрослей, Молодой Господин. Кто-то здесь обручается со своим врагом и все еще прилагает усилия, чтобы помочь, но теперь у нас есть кто-то, кто поднимает шум, потому что он проснулся немного раньше?"

В этих свирепых глазах Каон мог прочесть все, что он не хотел знать.

"Мне жаль, Каон. В следующий раз я буду более осторожен."

Он и так был раздражен, а теперь Алисия извинялась за то, за что ей не нужно было извиняться. Ее отношение и мягкий тон делали ее такой взрослой, а это означало, что он выглядел еще более по-детски по сравнению с ней.

"Единственная причина, по которой я проснулся, - это то, что занавески были специально оставлены открытыми!"

Каон обуздал свою ярость. Ему не нужно было еще больше запятнать свою репутацию.

Однако Алессия слегка повернула голову и высунула язык из уголка рта, который был повернут в сторону от Мадлен.

Его терпение лопнуло. "эй!"

“Молодой господин!” Мадлен сделала выговор.

Он мог только наблюдать, как победитель этого раунда нахально пожал плечами.

Каон атаковал деревянную фигуру с пугающей скоростью. Его тренировочный меч, также сделанный из дерева, описал чистую дугу и ударил манекена по голове, рукам, ногам и талии одну за другой.

‘ Эта надоедливая девчонка. Может быть, у нее раздвоение личности?’

Это был первый раз за его ни-короткие-ни-длинные семнадцать лет жизни, когда он столкнулся с чем-то подобным.

Даже если человек вел себя не так, как он выглядел, часто, по крайней мере, в определенной степени совпадало. Эта девушка, однако, была другой. Она почти... нет, не почти... У нее определенно было две личности.

"Однако обладают ли люди, страдающие таким расстройством идентичности, способностью переключаться между своими личностями по желанию?’

С точки зрения медицинских знаний, он не был экспертом, но он знал, что такие состояния не характеризуются симптомами, которые можно произвольно контролировать. Это описание не относилось к Алисии.

Так что же это было? Почему она так себя вела? Как он мог понять девушку, которая улыбалась и смеялась, как ангел, рядом с другими людьми, но вела себя озорно только перед ним?

‘Почему она так уверенно это делает?’

Алессия Ингелос была мошенницей.

Она даже не была магом, и все же она притворялась им, притворяясь, что защищает поместье Фердинанда...

Это были не легкие обвинения, но, к сожалению, Каон не мог посадить ее в тюрьму. Это было потому, что он был единственным, кто знал ее секрет, и он был не в том положении, чтобы раскрывать его.

На конце своей веревки он позволил себе закричать от отчаяния, и в этот момент он также услышал голос—

“Извините меня... Молодой Господин?”

"что это?"

"Я звонил тебе уже одиннадцать раз, но..." Джозеф, его помощник, замолчал, устало поправляя оправу сползающих очков на носу.

Одиннадцать?

Каон выпрямился. Казалось, что он потерял представление об окружающем мире в пылу своей сердитой тренировки. Какова бы ни была правда о тайне Алисии, было ясно, что она не сможет ничем помочь в его жизни.

"Почему ты позвал меня?"

"Молодой Мастер, конопля разбросана по всей тренировочной площадке. Могу я предложить переехать в другое место, чтобы не давать бедным слугам больше работы?"

"Что..." Он огляделся, слегка нахмурившись, и опустил меч.

Как и сказал Джозеф, повсюду были разбросаны кусочки конопли. Некоторые кусочки все еще висели в воздухе, медленно опускаясь вниз, как пыль. Веревка, которой был привязан манекен, ослабла из-за силы атак Каона, и поэтому в конце концов он был превращен в руины.

На самом деле, помощник был немного удивлен тем, что его хозяин смог перерезать веревку, несмотря на то, что не сосредоточился ни на одной области, но он решил ничего не говорить

об этом. Он знал Каона достаточно хорошо, чтобы понимать, что молодой человек отвергнет любое восхищение, приписав его удаче.

Вместо этого он хотел выяснить мотивацию, стоящую за одержимостью тренировками.

“Лео ругал тебя?”

“Зачем моей старшей сестре это делать? Неужели я похож на человека, которого ругают от скуки?”

Одна из вероятных причин была устранена. Таким образом, Джозеф, естественно, перешел к следующему кандидату.

“Ах, вы поссорились с мисс Алисией”.

“Сражался!? Она всегда провоцирует!”

Судя по бурной реакции, это был правильный ответ.

Он осторожно кивнул, гадая, что произошло на этот раз. Подобные инциденты происходили довольно часто, но это не вызывало особого беспокойства, потому что обычно пыхтел и пыхтел только Каон.

Обычно Джозеф пропустил бы это мимо ушей, но в данный момент его любопытство было задето.

“Разве вы двое не ладили поначалу? Правда, это было немного неловко, но я помню, как ты согласился, что она была очень хорошенькой и милой.”

“Мило? Ее? Алессия Ингелос? Как будто!” Каон с негодованием отрицал это, думая, что если это считается милым поступком, то так поступают практически все в мире.

“Вспомни тот день, когда она впервые пришла в особняк”.

“В то время...” Каон сделал паузу, его мгновенное безмолвие дало возможность своему помощнику высказаться.

“Теперь все это в прошлом, так что нет особого смысла обсуждать это дальше”.

По-прежнему молча, Каон Фердинанд снова взял тренировочный меч.

По правде говоря, оценка Джозефа была правильной. Не то чтобы отношения между ними были плохими с самого начала. Вопреки ожиданиям, что это будет ужасно, это было довольно приятно.

"Сначала так и было'.

Была причина, по которой их мелочный антагонизм достиг этой точки, и все это началось полгода — возможно, даже целый год — назад.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/73880/2053097>